

РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

В МИРОВОЗЗРЕНИИ ПРОТОИЕРЕЯ
ВАСИЛИЯ ЗЕНЬКОВСКОГО

Анатолий Анатольевич Парпара

кандидат медицинских наук, магистр богословия
преподаватель кафедры богословия Московской духовной
академии
141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
aparpara@yandex.ru

Для цитирования: Парпара А. А. Личность и общество в мировоззрении протоиерея Василия Зеньковского // Богословский вестник. 2024. № 2 (53). С. 260–280. DOI: 10.31802/GB.2024.53.2.011

Аннотация

УДК 140.8 (141.7) (82-96)

В статье прослеживается диалектика взаимоотношений личности и общества, согласно прот. Василию Зеньковскому. Используя методы систематизации, сравнения и имманентной критики, автор реконструирует позицию прот. Василия следующим образом. Личность, благодаря христианскому благовестию осознавшая свою свободу, встаёт в оппозицию к Церкви и семье. Это попытка самоутверждения личности приводит к парадоксальным результатам: крайний индивидуализм выражается в имперсонализме и порождает противоположную крайность — коллективизм. Путь к разрешению этих противоречий лежит через достижение органического единства личности с надындивидуальными социальными образованиями, которые прот. Василий рассматривает через призму иерархического персонализма В. Штерна как полноценные самостоятельные сущности. Основа и парадигма нормальных отношений личности и общества — это здоровая семья, в которой создаются оптимальные условия для развития интроцепции и эмпатии. Также огромную роль играют взаимоотношения между личностью и нацией. Интроцепция общественных целей и ценностей приводит к тому, что они становятся органической частью личности и без них личность неизбежно «теряет себя».

Ключевые слова: В. В. Зеньковский, личность, общество, персонализм, семья, нация, В. Штерн, эмпатия, интроцепция.

Person and Society in the Worldview of Archpriest Vasily Zenkovsky

Anatoly A. Parpara

PhD in Medicine, MA in Theology

Lecturer at the Department of Theology at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141312, Russia

aparpara@yandex.ru

For citation: Parpara, Anatoly A. "Person and Society in the Worldview of Archpriest Vasily Zenkovsky". *Theological Herald*, no. 2 (53), 2024, pp. 260–280 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2024.53.2.011

Abstract. The article traces the dialectic of the interrelations between the person and society, according to Archpriest Vasily Zenkovsky. Using methods of systematization, comparison and immanent criticism, the author reconstructs Zenkovsky's views as follows. Realization of personal freedom caused by the admission of Christianity has put the individual into opposition to the Church and family. This attempt at self-affirmation of the individual leads to paradoxical results: extreme individualism results in impersonalism and also gives rise to its opposite, collectivism. The path to resolving these contradictions lies through achieving the organic unity of the individual with supra-individual social formations. Zenkovsky regards these formations through the prism of W. Stern's hierarchical personalism as real particular entities. The basis and paradigm of normal relations between the person and society is represented by the normal family, which provides optimal conditions for the development of introception and empathy. The interrelations between the person and the nation also play a huge role. Through introception, social goals and values become an organic part of the person, so that losing these goals and values would inevitably result for a person in «losing their true self».

Keywords: V. Zenkovsky, person, society, personalism, family, nation, W. Stern, empathy, introception.

Введение

В эпоху социальных потрясений выбор между «я» и разного рода «мы» часто становится выбором между жизнью и смертью. И обосновать этот выбор в конечном итоге означает определить взаимную ценность индивида и надындивидуальных образований: семьи, нации, человечества. Особенно проблематичным становится это сравнение в ценностном контексте персонализма. Если конкретная личность — это онтологическая и аксиологическая альфа и омега мироздания¹, то как следует относиться к максиме: «Отдать жизнь за Родину»? Если Родина — это собирательное наименование людей, живущих на определённой территории (социологический номинализм), то за этих людей, то есть абсолютных, уникальных и незаменимых личностей, безусловно, стоит умереть. Но тогда чем обусловлен выбор именно этой совокупности людей? Почему не умереть просто за любого ближнего своего? Им, согласно известной притче (Лк. 10, 25–37), может оказаться совсем не соплеменник. Если же Родина — это онтологически самостоятельная сущность (социологический реализм), то она тоже должна быть личностью, иначе какой смысл за неё умирать?

В этой связи интересно обратиться к рассуждениям представителей русской эмиграции первой половины XX в., для которых огромную роль играло понятие Родины и служения ей² и среди которых имелось немало известных мыслителей-персоналистов. Ярким представителем этой плеяды был прот. Василий Зеньковский, взгляды которого на эту тему исследованы довольно мало³, притом, что в своих

- 1 *Зизиулас И.* Общение и инаковость. Москва, 2012. С. 129: «Личностная онтология — это утверждение метафизики своеобразия. Это попытка возвести особенное в статус первой и последней инстанции, преодолевающей границы изменчивого мира приходящих и уходящих частных сущих, попытка придать устойчивость “многим”, как если бы они были “единственными”, т. е. абсолютными, уникальными и незаменимыми».
- 2 См., например: *Булатов И. А.* Образ России как элемент национального воспитания в русском зарубежье (1920–1930-е гг.) // Диалог со временем. 2022. № 80. С. 287–300.
- 3 Эту тему в своих исследованиях отчасти затрагивают О. Т. Ермишин и К. М. Мацан. См.: *Ермишин О. Т.* Философская эволюция В. В. Зеньковского: От проблемы психической причинности к системе христианской философии // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. Москва, 2010. С. 177–183; *Ermishin O.* The Problem of Christian Culture in the Philosophy of Vasily Zenkovsky // *Apology of Culture. Religion and Culture in Russian Thought.* Eugene (Ore.), 2015. P. 72–78; *Мацан К. М.* Софийный персонализм в работах В. В. Зеньковского // Вестник РХГА. 2022. № 1 (23). С. 181–187; *Мацан К. М.* Церковь как «субъект познания» в философско-апологетической мысли В. В. Зеньковского // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. № 98. С. 71–94.

сочинениях о. Василий развивает своеобразную историко-теолого-метафизическую диалектику личности и общества в их противостоянии и единстве. Проследить эту диалектику довольно непросто, поскольку её приходится собирать по кусочкам из книг и статей разного времени. Попробуем начать изложение с того момента, когда личность осознаёт своё отличие от общества и начинает выражать свою самостоятельность в форме противостояния обществу.

1. Противостояние личности и общества

Противопоставление личного и общественного у Зеньковского возникает, когда он рассуждает о проблемах социально-общественной жизни Европы в её историческом развитии и современном ему состоянии. При этом оппозиция «личность — общество» неразрывно связана с оппозицией «личность — Церковь», поскольку о. Василий мыслит Церковь довольно широко и не всегда проводит резкую границу между Церковью и обществом. Он убеждён, что христианство лежит в самой сердцевине европейской культуры, а потому чётко отделить светское европейское общество от Церкви, по сути, невозможно. Основные источники для этой темы — статьи «Россия и Православие» (1916 г.), «Система культурного дуализма» (1929 г.) и главы 2–4 «Введения в систему философии Православия».

Общественные и религиозные проблемы Европы начались с того, что католицизм впал в «великий грех... — отвержение начала соборности и искажение заветов о христианской свободе»⁴. Но каким образом случилось так, что *христианская* свобода оказалась подавлена чересчур авторитарной *христианской же* иерархией во главе с папой? Странный парадокс, не правда ли? В. Зеньковский считает, что «вся историческая обстановка, вся психология людей того времени требовала и искала этой атмосферы авторитета»⁵, поэтому «винить в этом одно католичество, одну Церковь было бы несправедливо»⁶. Таким образом, о. Василий объясняет парадокс случайными историческими обстоятельствами, в силу которых христианская иерархия на Западе оказалась проводником нехристианских и даже антихристианских идей.

4 Зеньковский В. В. Россия и Православие // Он же. Собрание сочинений. Т. 2. Москва, 2008. С. 18.

5 Зеньковский В. В. Система культурного дуализма // Он же. Собрание сочинений. Т. 2. Москва, 2008. С. 204.

6 Там же.

Вряд ли это объяснение можно счесть полностью удовлетворительным, но другого мы не находим.

В результате своего парадоксального «первородного греха» католицизм породил две формы бунта личности в защиту её подавляемой христианской свободы: протестантизм и светское культурное движение. Первый выступил против конкретных форм церковной организации, а второе — против Церкви вообще. В целом В. Зеньковский сочувствует этим движениям:

«Начавшись защитой индивидуального религиозного опыта, протестантизм восстанавливал <...> свободу личности, восстанавливал её религиозную ценность»⁷.

При этом светское культурное движение оказалось даже ближе к идеалу христианской свободы, чем протестантизм: если первое, открыто декларируя враждебность христианству, на деле реализовывало его идеалы, то второй, провозглашая восстановление истинного христианства, продолжал «разрушительное дело католицизма»⁸.

«Под знаменем религиозного возрождения протестантизм принёс добрые плоды лишь в той мере, в какой он вместе со светской культурой защищал свободу исканий и свободу личности. Но светская культура... не извращала христианство, а просто отвергала его, поэтому для искренних, глубоких адептов европейской культуры всегда открыта возможность подлинного христианского опыта. Протестантизм же глубоко разрушает религиозные силы души, питая душу религиозными суррогатами»⁹.

«Светская культура, явно отошедшая от Церкви, а часто и забывавшая имя Христа, в существе не только не порвала связи с христианством, но даже охранила и собрала немало сил, которые отдали или ещё отдадут себя делу Христа, делу Церкви»¹⁰.

Несмотря на такой положительный результат, как освобождение личности и её творческих сил из-под авторитарного гнёта, бунт против Церкви не мог не привести и к отрицательным последствиям. Во-первых, изначально единая европейская культура оказалась расколота, и её связь с христианскими корнями оказалась если не полностью

7 Зеньковский В. В. Россия и Православие. С. 22.

8 Там же. С. 21.

9 Там же. С. 23.

10 Зеньковский В. В. Система культурного дуализма. С. 205–206.

разорвана, то надорвана. «Связь между христианством и культурой, находя всё меньше опоры в религиозном сознании, слабела от поколения к поколению»¹¹, причём в первой половине XX в. неустойчивое равновесие между светской и церковной культурой нарушилось: антихристианские силы начали доминировать в общественной жизни Европы вплоть до торжества воинствующего безбожия в Советской России¹².

Во-вторых,

«[будучи] в самом существе своём <...> религиозным <...> устранение религии неизбежно сопровождалось обожествлением личности»¹³.

В борьбе за свободу личности против чрезмерного средневекового авторитаризма западноевропейское общество впало в противоположный грех:

«Как в католичестве личность была подавлена и забита, так в современном индивидуализме уничтожается всякое надындивидуальное начало, ограничивающее личность. В неспособности удержаться на почве подлинного христианства, в неспособности развить понятие свободы и личности в их истинном смысле современная духовная культура не поднялась над католичеством, а лишь ударила в другую крайность»¹⁴.

Этот односторонний индивидуализм, разумеется, породил реакцию в виде коллективизма или социализма:

«От свободы убегают в мифологию коллективизма, грех свободы хотят часто искупить таким отречением от неё, которое разрушает личность. На месте исчезнувшего юридического и физического рабства возникает часто добровольное духовное рабство»¹⁵.

Таким образом, помимо культурной поляризации («церковность — секуляризм»), в европейском сознании возникает и социальная: «индивидуализм — коллективизм». В этих рассуждениях несложно видеть влияние вождей славянофильства, прежде всего, А. С. Хомякова, на которого В. Зеньковский явным образом ссылается¹⁶.

11 Зеньковский В. В. Система культурного дуализма. С. 206.

12 Там же. С. 207.

13 Зеньковский В. В. Россия и Православие. С. 16–17.

14 Там же. С. 19.

15 Зеньковский В. В. Дар свободы // Он же. Собрание сочинений. Т. 2. Москва, 2008. С. 285.

16 См., например: Зеньковский В. В. Россия и Православие. С. 20.

Оба вида поляризации оказываются асимметричны. Светскость на Западе превалирует над церковностью, а индивидуализм — над коллективизмом. И преобладание индивидуализма обусловлено, в том числе, социально-экономическими факторами:

«Пока существовала первобытная семья как единственная форма социального объединения, она была всем для личности; власть её над личностью была безгранична»¹⁷.

«[Но] по мере роста социальной дифференциации личность становится всё более свободной от власти социальной среды. Индивидуализм <...> есть выражение постепенного освобождения личности от социального гипноза и пробуждения чисто индивидуалистических запросов и устремлений»¹⁸.

Это освобождение оказалось возможным благодаря возрастающей социальной дифференциации: «современный человек принадлежит неизбежно к целому ряду социальных кругов»¹⁹, а значит, может реализовать себя и вне семьи, и помимо семьи. Если ранее В. Зеньковский опирался на славянофилов, то здесь он ссылается на известного немецкого социолога Г. Зиммеля²⁰.

Освобождение личности от власти семьи оказывается столь же амбивалентным, как и освобождение от власти церковного авторитета. С одной стороны,

«[такое] развитие социальных отношений есть необходимое предусловие развития индивидуальности, и наоборот, бедность социальных связей понижает и обедняет нашу личность»²¹.

С другой стороны,

«если социальные отношения внутри семьи <...> во всём и всегда имели личный характер, то есть исходили от личности и к личности же обращались, то в надсемейном объединении этот личный момент не только слабеет, но и постепенно вытесняется <...>

17 Зеньковский В. В. [Введение в систему философии православия] // Он же. Собрание сочинений. Т. 4. Москва, 2011. С. 111.

18 Там же. С. 111–112.

19 Там же. С. 112.

20 Там же. С. 107. В. Зеньковский упоминает его работу «Философия денег» (*Simmel G. Philosophie des Geldes. Leipzig: Duncker und Humblot, 1900*), но, по всей видимости, был знаком и с другими его трудами.

21 Там же. С. 115.

В индивидуумах становится уже не нужна их личность во всеконкретном её своеобразии; требования как бы проходят мимо этого личного, своеобразного и обращаются к общим, одинаковым и потому безличным силам индивидуума»²².

Именно в традиционной семье, по мнению В. Зеньковского, каждый член ценится как уникальная и самоценная личность. Напротив, с точки зрения государства или иных надсемейных социальных образований, индивид оказывается своего рода «винтиком», который можно вставлять, заменять или выкидывать в зависимости от потребностей всеобщего «механизма». Да и сама личность редко способна воспринять интересы государства как свои собственные, хотя в отношении семьи это обычное дело.

«Государство может быть очень близко, очень дорого — и всё же социально-психическая несоизмеримость личности и государства так велика, что к глубокому, длительному и продуктивному патриотизму способны сравнительно немногие, духовно сильные и богатые люди»²³.

Таким образом, эмансипация личности имеет ещё одно серьёзное негативное последствие: разрушение семьи, атомизацию и обезличивание социума.

Наконец, парадоксальным образом крайний индивидуализм приводит к своей противоположности — имперсонализму. Наиболее ярко это выражается в протестантизме, который

«несёт в себе ядовитое имперсоналистическое начало в своём стремлении “освободить” личность от связи с началом соборности; предоставленная самой себе личность неизбежно пустеет и тускнеет»²⁴.

Но это же явление характерно и для всей западной мысли в целом:

«постоянное усиление и развитие имперсонализма стоит в глубочайшей связи с общим ходом европейской культуры, в частности, с её экономическим атомизмом»²⁵.

Именно максимальная эмансипация личности и социальная атомизация приводят к имперсоналистическому мировоззрению; и можно

22 Зеньковский В. В. [Введение в систему философии православия]. С. 107.

23 Там же. С. 106.

24 См., например: Зеньковский В. В. Россия и Православие. С. 24.

25 Зеньковский В. В. [Введение в систему философии православия]. С. 116.

сказать, что развитие западной культуры после смерти о. Василия только подтверждает этот тезис²⁶.

Таким образом, диалектика личности в её противостоянии обществу порождает целый ряд парадоксов.

Христианская Церковь, благодаря которой личность впервые получает возможность по-настоящему осознать свою свободу, одновременно оказывается мощным механизмом подавления этой свободы. Согласно Зеньковскому, этот парадокс ограничен пределами католичества и обусловлен исторической конъюнктурой.

Протестантизм, стремясь возродить идеалы христианства, фактически ещё больше их искажает. Напротив, секуляризм, стремящийся порвать с церковным наследием, способствует утверждению христианской свободы, хотя и ценой трагического культурного разрыва.

Крайняя степень персонализма (индивидуализм) приводит к «имперсоналистическому мировоззрению».

В то же время тоска по утраченному единству и бремя свободы приводят к переходу от одной крайности к другой: от индивидуализма к коллективизму.

Освобождение личности, требуемое самим духом христианства, с одной стороны, привело к небывалым творческим успехам человечества, но, с другой, вызвало разобщение церковной и светской культуры, борьбу между крайностями индивидуализма и коллективизма, разрушение органических семейных связей, атомизацию общества и, наконец, распространение имперсонализма. По мнению о. Василия, настало время решительно заняться преодолением отрицательных последствий развития европейской цивилизации, но при этом сохраняя все его положительные достижения, и прежде всего, христианскую свободу личности. Обсуждение всех перечисленных выше противоречий займёт слишком много места, потому в данной статье мы сосредоточимся на последнем, наиболее прямо связанном с её темой. Если индивидуализм и коллективизм — пагубные крайности, то как должна выглядеть «золотая середина»?

26 Конкретный пример такой эволюции можно видеть в жизни известного американского психолога К. Роджерса, который в конце жизни увлёкся оккультным мистицизмом. Это лишь частный случай всё более распространяющегося увлечения различными видами имперсоналистической религиозности, обычно объединёнными названием «Нью Эйдж». См: *Парпара А. А. Православие и гуманистическая психология: Личность и учение Карла Роджерса // БВ. 2018. № 2 (29). С. 45 и далее. Разумеется, данный парадокс имеет свою логику, но это тема для отдельного исследования.*

2. Единство личности и общества: семья

Каким же образом о. Василий видит идеальные взаимоотношения личности и общества? Его точка зрения на этот предмет основывается, прежде всего, на двух источниках: на славянофильстве, с мотивами которого мы уже сталкивались выше, и иерархическом персонализме В. Штерна²⁷. Несмотря на заметное идеологическое различие этих источников, их оказывается не так сложно согласовать во многом потому, что в основе обоих лежит немецкая философия XIX в. Гораздо сложнее оказывается согласовать апологию личной свободы, о которой шла речь в предыдущем параграфе, а также утверждение о том, что «личность <...> является единственным носителем исторической активности»²⁸ с наличием активных надындивидуальных сущностей, в числе которых В. Зеньковский называет семью, народ и человечество в полном соответствии с теорией В. Штерна.

Положительные рассуждения о возможности снять парадокс во взаимоотношениях личности и общества начинаются у В. Зеньковского с новой совершенно парадоксальной фразы:

«Однако если личность является последней динамической инстанцией, какую знает история, то это не исключает того, что над личностью вырастают надындивидуальные процессы, подлинным субъектом которых становится коллективное единство»²⁹.

Но если личность — это *последняя* инстанция, то как может быть что-то *над* личностью? Попробуем разобраться, что имеет в виду автор. Итак, первое «коллективное единство» — это семья.

«[Она являет собой] простейшую и <...> наиболее близкую к натуральному порядку форму социальной жизни»³⁰.

27 К сожалению, оказавшие заметное влияние на русскую мысль первой половины XX в. философские работы В. Штерна не переведены на русский и крайне мало изучены. С их содержанием можно ознакомиться в публикации: *Парпара А. А.* Иерархический персонализм В. Штерна и его рецепция в религиозной философии прот. Василия Зеньковского // Сборник студенческих научных работ ПСТГУ. 2019. № 1. С. 39–47; а также более подробно: *Резвых Т. Н.* Вильгельм Штерн: персонализм, организм, телеология // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие, философия, религиоведение. 2019. Вып. 85. С. 73–87; с точки зрения политологии система В. Штерна рассмотрена в статье: *Прончев К. Г.* Концепция «иерархического персонализма»: политологический аспект // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 8 (84). С. 2570–2583.

28 *Зеньковский В. В.* [Введение в систему философии православия]. С. 125.

29 Там же. С. 73.

30 Там же. С. 94.

Как таковая она несводима к сумме составляющих её личностей и оказывается самостоятельной сущностью, «единым и ярко сознающим своё единство субъектом всех социальных процессов»³¹, который может диктовать свои правила членам семьи, подчинять их себе и даже в некотором смысле поглощать их личности!

«Когда семья состоит всего из двух супругов, то уже они вдвоём образуют новое единство, подчиняющее их себе, кое в чём стесняющее каждого из них, а в ином — расширяющее и обогащающее. Образуя это новое единство, супруги неизбежно оказываются во власти его законов; новое единство кое в чём как бы поглощает личность каждого, и если кто-либо из супругов выйдет из-под власти законов, управляющих жизнью семьи, то семейная жизнь начинает разрушаться»³².

Уже из этого описания очевидно, что потребности семьи могут противоречить христианской свободе личности: *и враги человеку — домашние его* (Мф. 10, 36). Но В. Зеньковский убеждён, что в *нормальной* семье такого быть не может:

«В нормальной семье всё работает для семьи — и это вовсе не понижает ни работоспособности, ни творческой инициативы, не стесняет индивидуальной свободы; наоборот, творчество усиливается сознанием, что работа идёт на пользу целого, сознание свободы углубляется и становится напряжённым, раз труд нужен не в интересах личности, а семьи как целого. Но всё это имеет место лишь в нормальной, здоровой семье, то есть там, где взаимоотношения членов семьи имеют органический, внутренний характер»³³.

Здесь описывается, по существу, совершенная интроцепция по В. Штерну: каждый член нормальной семьи полностью интроципирует её цели и ценности, то есть органически воспринимает их как собственные, тем самым снимается противоречие между индивидуальной свободой и коллективным единством. Характеристика «внутренний» означает здесь именно то, что каждая личность в нормальной семье ощущает потребности семьи как внутренние, собственные, а не навязанные насильно. И потому данное целое оказывается органическим, то есть таким, в котором принцип единства заключается в самих частях, а не прилагается к сумме частей извне, как это происходит в случае

31 Зеньковский В. В. [Введение в систему философии православия]. С. 105.

32 Там же. С. 94.

33 Там же. С. 87.

механизма. Именно тот факт, что в отношении семьи достигается степень интроцепции, недоступная в отношении народа или тем более человечества, позволяет говорить, что

«семья является единственной формой социальной связи, которая в нашем социальном опыте может быть охарактеризована в органических терминах»³⁴.

Таким образом, семейные отношения оказываются у В. Зеньковского идеальным решением проблемы «личность — общество», а потому становятся парадигматическими для любых социальных отношений:

«только внутреннее преобразование общественной жизни, преобразование неорганических отношений, царящих между народами и в недрах народной жизни, в органические, то есть приближение народной и международной жизни к *типу семейной социальности*, к типу того внутреннего единства, которое имеется в здоровой семье, где личное творчество, инициатива совершенно свободны, но всегда согреты думой о семье как целом, — может вывести нас из того тупика, в который мы ныне зашли...»³⁵.

Понимание семьи у В. Зеньковского имеет ещё один интересный аспект, на котором он останавливается не столь подробно, как на интроцепции, но который не менее важен для нас, особенно учитывая терминологию, которой пользуется мыслитель.

«В семье вся работа распределяется сообразно индивидуальным свойствам, состоянию здоровья каждого и т. п. — и все отношения пронизаны этим вчувствованием во всю личность каждого члена семьи»³⁶.

Можно было бы сказать, что здесь речь идёт о процессе, протекающем «навстречу» интроцепции: если в первом случае индивид воспринимает цели и ценности коллективного единства, то во втором — коллективное единство «вчувствуется во всю личность» каждого индивида. Но такой интерпретации мешает то, что в реальности «вчувствуется» не семья как целое, а тот индивидуальный представитель семьи, который, например, распределяет работу, поэтому вчувствование всё-таки происходит между человеческими личностями. Но и коллективное единство здесь играет важную роль, поскольку вчувствование происходит, по Зеньковскому, именно в кругу семьи, притом преимущественно

34 Зеньковский В. В. [Введение в систему философии православия]. С. 104.

35 Там же. С. 79.

36 Там же. С. 107.

в кругу семьи. В рамках более крупного социального образования «данный человек интересен вовсе не в своём личном, а лишь как рабочая сила и как представитель известной семьи»³⁷.

Интересно сравнить эти мысли В. Зеньковского с представлениями о семье в современной системной психотерапии³⁸. Здесь семья также рассматривается как самоподдерживающаяся кибернетическая система, развивающаяся согласно собственной логике, которая может как совпадать с интересами членов семьи, так и противоречить им.

Примечательно здесь слово «вчувствование», употребляемое В. Зеньковским. Как он сам пишет в другом месте³⁹, речь идёт о переводе нем. «Einführung», которое употреблялось в значении сострадания не только людям, но всему живому вообще. Это слово возникло первоначально в эстетике Р. Фишера и было перенесено в психологию Т. Липпсом, сочинения которого были хорошо известны В. Зеньковскому. Э. Титченер и Д. Уорд перевели его на английский как «empathy»⁴⁰, позднее оно вернулось в современный русский язык именно как «эмпатия». Данное понятие стало одним из основополагающих в ряде направлений современной психологии, в частности, в гуманистической психотерапии К. Роджерса. Однако если у В. Зеньковского эмпатия — это неотъемлемая принадлежность органических взаимоотношений в нормальной семье, то у К. Роджерса она возникает в контексте терапевтических отношений, которые принципиально отличаются от семейных.

3. Единство личности и общества: нация

Следующая по порядку коллективная сущность — это народ или нация. У В. Зеньковского имеется специальная статья на эту тему «Национальный вопрос в свете христианства» (1934 г.), однако мы начнём с рассуждений во «Введении в систему философии православия». Совсем рядом с уже процитированными утверждениями о том, что семья является единственным по-настоящему органичным, а значит, личностным, по В. Штерну, коллективным субъектом, мы не без удивления читаем:

37 Зеньковский В. В. [Введение в систему философии православия]. С. 107.

38 Например: Шварц Р. К. Системная семейная терапия субличностей. Москва, 2011. С. 36–41.

39 Зеньковский В. В. Основы христианской философии // Он же. Собрание сочинений. Т. 4. Москва, 2011. С. 304.

40 Ganczarek J., Hünefeldt T., Olivetti Belardinelli M. From «Einführung» to Empathy: Exploring the Relationship Between Aesthetic and Interpersonal Experience // Cognitive Processing. 2018. № 2 (19). P. 141.

«Образование национальности, впервые дающее место действительно новой, именно коллективной индивидуальности, формирует <...> новый субъект социального процесса»⁴¹.

Но разве не семья была первым коллективным субъектом? Теперь оказывается, что это была национальность..., допустим, В. Зеньковский имеет в виду, что национальность является не первым коллективным субъектом вообще, а *первым, образованным в ходе исторического процесса*, поскольку семья не образовывалась, но уже была у первых людей. Однако это не единственное и не самое большое недоумение, которое нас ожидает.

Не семья, а именно народ устаивается у В. Зеньковского прямого сравнения с личностью и даже явного наименования «личность»! Дело в том, что нация обладает чертами индивидуальности и устойчивости, чего не говорится о семье.

«Нация не есть простое своеобразие, новая вариация какого-либо общего типа (как племя), не одна наличность целого ряда самостоятельных культурных процессов (что мы имеем в народности), а именно новая индивидуальность — единство, которое находит в себе устойчивые основы для самобытного развития»⁴².

Нация оказывается аналогична личности сразу во многих отношениях. Так, политическая самостоятельность народа сопоставима с физическим здоровьем человека: нацию может постигнуть политическая смерть и даже политическое воскресение⁴³.

«Подобно тому как в развитии индивидуальностей лежит источник обогащения жизни и красоты, а в нивелировании их лежит условие увядания, монотонности и обеспокоения жизни, так и расцвет, богатство национальных групп в своём многообразии подымает красоту, продуктивность и глубину исторического движения»⁴⁴.

«Подобно тому как личность есть духовно-физическое бытие, так и нации обладают и физическим, и духовным бытием»⁴⁵.

И наконец, у нации, как и у человека, есть своё провиденциальное предназначение — свой «крест» в терминологии В. Зеньковского:

41 Зеньковский В. В. [Введение в систему философии православия]. С. 73.

42 Там же. С. 34.

43 Там же. С. 33.

44 Там же. С. 30–31.

45 Зеньковский В. В. Национальный вопрос в свете христианства // Он же. Собрание сочинений. Т. 2. Москва, 2008. С. 320.

«Как личность, только сознав свой крест, впервые открывает свой путь, так и нации <...> находят подлинный свой путь, когда уясняют крест, лежащий на нации, так как нация есть сложная, синтетическая личность, единое бытие»⁴⁶.

Но хотя в только что процитированном месте нация прямо называется личностью, это всё-таки нехарактерно для мыслителя. В обычном словоупотреблении В. Зеньковского народ и любое другое коллективное единство, как правило, *противопоставляется* личности, под которой понимается именно человеческая индивидуальность. Это хорошо видно в уже приведённых отрывках. «Как личность, <...> так и нация», — пишет Зеньковский, очевидно имея в виду, что нация не есть личность, иначе получилась бы бессмыслица: «как личность, <...> так и личность». Этот очередной парадокс может быть разрешён, по-видимому, терминологическим уточнением. Когда В. Зеньковский обсуждает терминологию В. Штерна, он отмечает, что,

«[хотя] слово Person здесь обнимает все живые существа <...> у растений, животных, которые суть “особи”, индивидуумы или, скажем иным словом, “существа”, мы всё же не предполагаем “личность” (нем. *Persönlichkeit*), то есть внутреннего самосознания»⁴⁷.

Логично будет предположить, что то же самое относится и к народу: он может быть назван нем. *Person*, то есть особью, индивидуумом, существом, но не нем. *Persönlichkeit*, не личностью в собственном смысле слова. Хотя, возможно, он максимально близок к личности из всех «сущств», но «внутренним самосознанием» не обладает. Конечно, В. Зеньковский многократно говорит о национальном самосознании, но ведь это не сознание народа как коллективного единства, это сознание причастности к народу, принадлежащее личностям, его составляющим, что далеко не одно и то же. Таким образом, когда О. Т. Ермишин пишет, что «Зеньковский относит понятия души, индивидуальности, личности не только к отдельному человеку, но и к народам и цивилизациям, обладающим культурным единством»⁴⁸, с этим можно согласиться лишь отчасти. Народ — это «существо», индивидуальность своего рода,

46 Зеньковский В. В. Национальный вопрос в свете христианства // *Он же. Собрание сочинений*. Т. 2. Москва, 2008. С. 319.

47 Зеньковский В. В. Судьба халкидонских определений // *Он же. Собрание сочинений*. Т. 2. Москва, 2008. С. 488.

48 Ермишин О. Т. Философская эволюция В. В. Зеньковского: От проблемы психической причастности к системе христианской философии. С. 180.

в некотором несобственном или расширенном смысле слова, но «личность» *sensu stricto* В. Зеньковский относит только к человеку или Богу.

Каковы же отношения народа и человеческого индивида? Оказывается, последний в высшей степени зависим от первого. Во многом эта зависимость определяется языком, «роль которого в психической жизни личности исключительно велика [и который] есть средство социального общения и вне его совершенно немислим»⁴⁹. Более того,

«только с того момента, когда мы сознаём себя связанными с нашим народом и чувствуем себя принадлежащими к определённой “нации”, в нас открывается в полноте личность, открывается возможность <...> унаследовать всё, что открывается в языке, обогатиться тем материалом, который история накопила и закрепила в языке»⁵⁰.

Помимо языка, огромное значение в жизни личности имеет интроцепция целей и ценностей своего народа несмотря на то, что она, как мы видели выше, не может быть столь же полной, как интроцепция семейных целей и ценностей.

«Из недр личности встаёт эта глубокая обращённость души к своему народу — и в этом национальном эросе личность отрывается от эгоизма, от погружённости в свою маленькую жизнь, начинает жить более глубокой и творческой жизнью»⁵¹.

Без этих составляющих бытие личности оказывается буквально немислимым:

«Личность не растёт из самой себя, она не автогенна в серьёзном смысле слова, её развитие, расцвет её сил, раскрытие индивидуальности совершенно неосуществимы вне социального общения, вне связи с социальной средой»⁵².

Зависимость личности от общества у В. Зеньковского столь велика, что можно говорить о формировании личности обществом. Но при этом она несводима к сумме общественных влияний:

«Личность не может быть понята и выведена из социальных условий её существования; при всём многообразии, глубине и плодотворности

49 Зеньковский В. В. [Введение в систему философии православия]. С. 22.

50 Зеньковский В. В. Национальный вопрос в свете христианства. С. 321.

51 Там же.

52 Зеньковский В. В. [Введение в систему философии православия]. С. 91.

социальных влияний на личность, личность имеет в себе иной полюс, имеет иной, особый корень — чисто индивидуальный»⁵³.

И она всё-таки онтологически первична по отношению к обществу:

«Конечно, индивидуум всегда остаётся последней динамической инстанцией; в прямом смысле действует всегда индивидуум, хотя бы те или иные его действия были социально мотивированы, обусловлены или даже predeterminedены»⁵⁴.

Исходя из вышеизложенного, «вырастание надиндивидуальных процессов над личностью» при одновременном её утверждении в качестве «последней динамической инстанции, которую знает история»⁵⁵, по всей видимости, следует понимать так. Личность есть исходная и конечная причина всех исторических процессов, но взаимодействие личностей порождает надличностные структуры, которые обладают известного рода самостоятельностью и сами действуют на личность. Общество формирует личность, но оно само сформировано личностями, супервертно на личностях, выражаясь языком современной аналитической философии.

Заключение

В рассуждениях прот. В. Зеньковского о личности и обществе практически на каждом шагу мы встречаемся с парадоксами, разрешение которых, в свою очередь, приводит к новым парадоксам. По-видимому, из этого лабиринта можно найти выход, если руководствоваться путеводной нитью, в поиске которой о. Василию, помимо глубоких и разнообразных теоретических знаний, определённо помог богатый опыт психолога и педагога. Этот руководящий принцип можно попытаться сформулировать так: личность — это не сферическая в вакууме «несводимость к природе», упавшая с неба в готовом виде. Хотя личность онтологически первична по отношению к обществу, она одновременно в высшей степени зависит от него. Настолько сильно, что В. Зеньковский говорит о наличии двух полюсов, двух корней личности: метафизического и социального.

53 Зеньковский В. В. [Введение в систему философии православия]. С. 124.

54 Там же. С. 72.

55 Там же. С. 73.

«В личности два полюса, растёт она из двух корней, и оба они взаимно незаменимы, слабое развитие одного понижает жизнь другого»⁵⁶.

Личность формируется в результате продолжительных и сложных взаимодействий в составе социальных групп разного масштаба и структуры. И в результате этих взаимодействий личность вбирает в себя цели и ценности этих социальных групп, которые становятся её собственным достоянием. Это не значит, что личность сводится к набору целей и ценностей, внедрённых в неё социумом. Однако эти цели и ценности становятся существенным свойством личности, лишившись которого она «теряет себя». И это последнее обстоятельство представляется инвариантным по отношению к социологическому реализму или номинализму.

Сам В. Зеньковский, безусловно, был социологическим реалистом и воспринимал нацию как сущность и в некотором смысле даже как личность. Но и с позиции социологического номинализма можно рассматривать Родину как совокупность интроципированных личностью целей и ценностей, предав которые она окажется в состоянии внутренней расколотости, худшей, чем смерть. В этом смысле готовность умереть за Родину оказывается необходимым условием сохранения внутренней целостности.

Было бы интересно разобраться в том, как В. Зеньковский понимал взаимоотношения семьи и нации. В текущей социологической ситуации семья — это место, где личность получает навык эмпатии и интроцепции, в этом отношении семья совершенно необходима для формирования полноценной здоровой личности. Но как быть, если возникает конфликт между интересами семьи и народа? Или народа и человечества? Может ли нация заменить семью или наоборот? Что делать с нездоровыми семьями, которые уродуют личности своих членов вместо того, чтобы их формировать? Однако для наших целей достаточно уже полученного результата: личность для Зеньковского мыслима только в контексте надындивидуального общественного целого: семьи или нации. Разрешение противоречий между личностью и обществом он видит в достижении как можно большей органичности последнего: чтобы каждый индивид воспринимал общие интересы как свои, то есть интроципировал их, в терминологии В. Штерна, а взаимные отношения личностей определялись «вчувствованием», то есть эмпатией. Легче всего достичь этого в семье, но необходимо

56 Зеньковский В. В. [Введение в систему философии православия]. С. 125.

стремиться к максимальной органичности отношений на уровне нации и на уровне всего человечества.

Также анализ взглядов В. Зеньковского на взаимоотношения личности и общества будет неполон без обсуждения связи личности с человечеством и Церковью. Поскольку мы начали именно с рассказа о бунте личности против Церкви, теперь нужно сказать о том, как возможно их примирение. Кроме того, вопросы семьи и национальности отошли на второй план в последние пятнадцать лет жизни о. Василия, а на первый план вышла именно проблема человечества как целого. Это не значит, что он пересмотрел свои взгляды, скажем, на роль семьи в воспитании. Так, уже в 1960 г. он пишет:

«Общепризнанный кризис семьи чрезвычайно ослабляет попытки школы и внешкольных организаций помочь детям и подросткам в их духовном созревании»⁵⁷.

Но в поздних сочинениях мы не найдём развёрнутых рассуждений на темы семьи или народа. Более того, оказывается, что именно

«сопряжённость отдельного человека с человечеством образует <...> полюс социальности в личности»⁵⁸.

Не с семьёй, не с народом, а именно с человечеством. Лишь «с точки зрения социальной психологии, обследующей эмпирическую взаимозависимость людей, достаточно видеть это “мы” прежде всего в семье, а затем в национальном (или этнографическом) целом»⁵⁹, однако уже «сам по себе язык (как явление “объективного духа”, по выражению Гегеля) не есть функция данного поколения, ныне живущего, но связан с бесчисленными поколениями в прошлом»⁶⁰, а тем более «обще-человеческие функции духа, которые учитываются трансцендентализмом, имеют ведь не национальный, не местный характер — они общи у всех людей»⁶¹.

Этот вопрос об отношении личности и человечества осложняется тем обстоятельством, что в понятиях человечества и Церкви, которые у о. Василия очень близки, совпадает общественное и универсальное. Ведь человечество — это совокупность всех людей вообще, всей человеческой природы; прежде чем говорить о нём, необходимо рассмотреть

57 Зеньковский В., *прот.* Что читать по педагогике? // Вестник РХД. 1960. № 1 (56). С. 68.

58 Зеньковский В. В. Основы христианской философии. С. 490.

59 Там же. С. 491.

60 Там же.

61 Там же.

оппозицию личного и общего, то есть универсального или природного, с которой связан другой, «метафизический», корень личности. Данную проблему мы надеемся рассмотреть в следующем исследовании.

Источники

- Зеньковский В. В.* Россия и Православие // *Зеньковский В. В.* Собрание сочинений. Т. 2. Москва: Русский путь, 2008. С. 7–64.
- Зеньковский В. В.* Система культурного дуализма // *Зеньковский В. В.* Собрание сочинений. Т. 2. Москва: Русский путь, 2008. С. 202–226.
- Зеньковский В. В.* Дар свободы // *Зеньковский В. В.* Собрание сочинений. Т. 2. Москва: Русский путь, 2008. С. 285–300.
- Зеньковский В. В.* Национальный вопрос в свете христианства // *Зеньковский В. В.* Собрание сочинений. Т. 2. Москва: Русский путь, 2008. С. 319–324.
- Зеньковский В. В.* Судьба халкидонских определений // *Зеньковский В. В.* Собрание сочинений. Т. 2. Москва: Русский путь, 2008. С. 480–496.
- Зеньковский В. В.* [Введение в систему философии православия] // *Зеньковский В. В.* Собрание сочинений. Т. 4. Москва: Русский путь, 2011. С. 7–210.
- Зеньковский В. В.* Основы христианской философии // *Зеньковский В. В.* Собрание сочинений. Т. 4. Москва: Русский путь, 2011. С. 213–507.
- Зеньковский В., прот.* Что читать по педагогике? // Вестник РХД. 1960. № 1 (56). С. 67–68.

Литература

- Булатов И. А.* Образ России как элемент национального воспитания в русском зарубежье (1920–1930-е гг.) // Диалог со временем. 2022. № 80. С. 287–300.
- Ермишин О. Т.* Философская эволюция В. В. Зеньковского: От проблемы психической причинности к системе христианской философии // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. Москва: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 177–183.
- Зизиулас И.* Общение и инаковость. Новые очерки о личности и церкви. Москва: ББИ, 2012.
- Мацан К. М.* Церковь как «субъект познания» в философско-апологетической мысли В. В. Зеньковского // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. № 98. С. 71–94.
- Мацан К. М.* Софийный персонализм в работах В. В. Зеньковского // Вестник РХГА. 2022. № 1 (23). С. 181–187.
- Партара А. А.* Православие и гуманистическая психология: Личность и учение Карла Роджерса // БВ. 2018. № 2 (29). С. 30–52.

- Парпара А. А.* Иерархический персонализм В. Штерна и его рецепция в религиозной философии прот. Василия Зеньковского // Сборник студенческих научных работ ПСТГУ. 2019. № 1. С. 39–47.
- Прончев К. Г.* Концепция «иерархического персонализма»: политологический аспект // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 8 (84). С. 2570–2583.
- Резвых Т. Н.* Вильгельм Штерн: персонализм, организм, телеология // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие, философия, религиоведение. 2019. Вып. 85. С. 73–87.
- Шварц Р. К.* Системная семейная терапия субличностей / пер. с англ. Х. М. Воскановой. Москва: Научный мир, 2011.
- Ermishin O.* The Problem of Christian Culture in the Philosophy of Vasily Zenkovsky // Apology of Culture. Religion and Culture in Russian Thought. Eugene (Ore.): Pickwick Publications, 2015. P. 72–78.
- Ganczarek J., Hünefeldt T., Olivetti Belardinelli M.* From «Einführung» to Empathy: Exploring the Relationship Between Aesthetic and Interpersonal Experience // Cognitive Processing. 2018. № 2 (19). P. 141–145.